ПОЗИЦИИ СССР В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ К СОВЕТСКОМУ СТРОЮ
(субъективные заметки)

А.И. КОЛГАНОВ

Проблема утраты привлекательности советского строя, потери доверия к нему во многом связана с тем, что СССР не сумел занять достойные позиции в мировом хозяйстве. Это вовсе не определялось тем, что советская хозяйственная система якобы была «закрытой экономикой», основанной на автаркии. Нет, экономика СССР всегда была включена в мировое хозяйство и в значительной степени зависела от внешних экономических связей. И вопрос здесь не только в том, какой процент от валового внутреннего продукта страны составлял внешнеторговый оборот. Для любой страны с большим внутренним рынком внешнеторговый оборот играет меньшую роль, чем для страны с менее емким внутренним рынком. СССР относился именно к первой группе стран, но это не значит, что внешнеэкономические связи не играли в его экономике существенную роль.

Разумеется, на разных этапах советской истории эта роль была несколько различной. В довоенный период основной статьей экспорта было зерно, в послевоенный период – нефть. В 20-е годы Советский Союз, наряду с оборудованием, ввозил еще и промышленное сырье. В 60 – 80-е годы несколько вырос экспорт промышленных изделий. Однако основная закономерность внешнеторгового оборота – вывоз сырья в обмен на оборудование – принципиально не изменилась.

Почему же Советский Союз, достигнув к 60-м годам неплохих, а по некоторым направлениям – и ведущих позиций в высокотехнологичных секторах экономики, не смог превратить эти достижения в средство принципиального изменения своей роли в мировом хозяйстве? Потому что не смог осуществить высокотехнологичный экспорт в силу иной ориентации соответствующих секторов экономики. Такая ситуация определялась несколькими причинами. Высокотехнологичное производство было ориентировано:

На внутренний рынок и отчасти на рынок стран социалистической системы, обеспечивая частичное импортозамещение.

На военные цели, при этом экспорт вооружений был подчинен интересам противостояния с блоком НАТО.

Сама по себе эта ситуация в определенной мере была неизбежной, ибо диктовалась особым положением СССР в системе мировых политических отношений. Но успехи импортозамещения так и остались частичными, и не стали отправным пунктом для такого роста высокотехнологичного производства, который стал бы базой для за-

http://www.phisci.ru

воевания мирового рынка. В конце концов и с относительно слабым присутствием на мировом рынке можно было бы в какой-то мере смириться, если бы внутренние успехи в научно-техническом развитии обеспечивали нам завоевание лидирующих позиций. Однако ситуация была такова, что даже с передовыми изделиями мы подчас были просто не в состоянии выйти на мировой рынок, поскольку они по тем или иным параметрам оказывались неконкурентоспособными или их реализация по ценам мирового рынка была нерентабельна.

Такое положение определялось тем фактом, что внутренние требования к высокотехнологичным изделиям с точки зрения их цены и качества зачастую были более мягкими, чем на мировом рынке. Это вытекало из общих пороков советской модели плановой системы, которая сформировалась под давлением требований форсированной индустриализации: из недостаточно высокой требовательности к уровню производственных затрат и из слабости каналов обратного влияния потребителя на качество производимой продукции. Ставке на экстенсивный рост промышленности были временно принесены в жертву соображения эффективности и качества производства. Однако эта временная жертва закрепилась, институционализировалась и оказалась встроенной в сложившуюся систему интересов, что препятствовало проведению назревших перемен.

Завершение проекта индустриализации страны ставило на повестку дня вопрос о новом проекте. Те успехи, которых добился СССР во второй половине 50-х – начале 60-х годов, были порождены не только хрущевской «оттепелью», но и инерцией проектов, начавших осуществляться еще при Сталине: ракетно-космический проект, развитие реактивной авиации, радиоэлектронной техники, массовое жилищное строительство на основе современных индустриальных технологий, перевод железнодорожного транспорта на тепловозную и электротягу. Хрущев был в состоянии провозгласить такой новый проект – создание материально-технической базы коммунизма, – но оказался не в состоянии найти и предложить новые средства для его осуществления.

Списав все недостатки прошлого лично на Сталина, Хрущев категорически отказался разбираться в глубинных причинах этих недостатков, не усовершенствовав советскую общественную систему, а превратив ее лишь в ослабленную разновидность сталинского режима. Ослаблены были одновременно как репрессивные крайности этого режима, так и контроль над партийной и советской бюрократией, что и послужило двумя основами для формирования периода, заслужившего наименование «застойного».

Сталинский проект ускоренной индустриализации, основанный на вполне понятном соображении, что нам надо за 10 – 15 лет пробежать

расстояние, отделяющее нас от развитых держав, иначе нас сомнут, пользовался доверием даже со стороны тех, кто не разделял идеалы социализма. На этот проект люди работали не только за страх, но и за совесть. А вот выдвинутый XXII съездом КПСС проект движения к коммунизму встретил скептическое отношение даже со стороны части тех людей, кто разделял коммунистические идеалы.

Но наиболее явно утрата доверия как к сложившемуся в СССР общественному строю, так и к идеалам социализма произошла после 1968 г., когда руководство КПСС продемонстрировало, что оно не только не способно к прогрессивным изменениям в общественной системе, но и категорически не желает каких-либо перемен. Вопрос утраты политического контроля над одной из стран «мировой системы социализма» взволновал руководителей КПСС гораздо больше, чем вопрос совершенствования строя «реального социализма». Хотя «пражская весна» развивалась по сценарию, близкому к сценарию горбачевской «перестройки», и вряд ли могла привести к иным результатам, советские лидеры не смогли противопоставить этому эксперименту – пусть и ошибочному, и бесплодному, – ничего, кроме окрика, а затем и грубой силы.

Разочарование в «реальном социализме», подтачивавшее и веру в социалистические идеалы, охватило не только низы, но и верхи. При Сталине было немало людей, которые по тем или иным причинам отвергали социализм и как практику, и как идею. Но для правящего слоя социалистическая идея (хотя и в своеобразной интерпретации) была непререкаемой догмой. К 70-м годам XX века она осталась догмой, но вера в нее сделалась чисто формальной, напускной. Все большая и большая часть номенклатуры стала с завистью поглядывать на порядки капиталистического Запада. Работа за рубежом сделалась самой большой мечтой для молодого поколения номенклатуры, и главным мерилом жизненного успеха стали сертификаты Внешторгбанка.

Одновременно социализм стал терять привлекательность и перестал быть маяком также и на мировой арене. Провозглашение социалистической ориентации стало для многих стран лишь средством выудить у СССР те или иные экономические преференции. Росло разочарование в «реальном социализме» и в рядах левого движения. Не в последнюю очередь ореол привлекательности СССР потускнел из-за того, что Советский Союз не сумел продемонстрировать убедительные успехи в завоевании лидерства в мировом хозяйстве.

Где же лежали корни внутреннего разочарования в социалистической идее?

Идеологи капитализма еще в 1967 г., на фоне пышного празднования 50-летия Октябрьской революции, сделали для себя утешительный вывод, что, несмотря на все достижения СССР, советский

http://www.phisci.ru

человек в глубине души остался прежним, озабоченным, прежде всего, индивидуальным материальным благополучием. Разумеется, это была не вся правда – советский человек все-таки значительно отличался по своей ментальности от человека западной цивилизации (и эти отличия, даже после драматических перемен последних десятилетий, заметны до сих пор!), – но значительная доля правды в этом выводе все же была.

Советский строй, действительно, не смог коренным образом изменить социальное лицо жителя СССР, и для этого были фундаментальные исторические причины. Человек есть прежде всего то, что он делает. А в этой области СССР не смог достичь даже той планки, которая уже была достигнута наиболее развитыми странами. Страна, провозгласившая построение материально-технической базы коммунизма, оставалась страной с преобладанием тяжелого, малоквалифицированного, ручного физического труда даже в промышленности, не говоря уже о сельском хозяйстве. Конечно, за 60-е – 80-е годы для преодоления этой ситуации кое-что было сделано, но коренных сдвигов не произошло.

Советскому государству приходилось на протяжении всей своей истории решать одновременно и те задачи, которые в дореволюционной России не были решены капитализмом – индустриализация, урбанизация, всеобщая грамотность, достижение приемлемого уровня материального благополучия и т.п., – и те задачи, которые вытекали из планов построения нового общественного строя – раскрепощение творческих сил человека, предоставление возможностей для универсального развития способностей каждой индивидуальности. Нерешенность задач буржуазного этапа развития все время тащила нас назад. «Мертвый хватает живого». А мы пытались на нерешенные задачи капиталистической стадии надеть формы социалистического строя. Мы пытались привить человеку мотивы творчества, инициативы, самодеятельности, не накормив его еще как следует, не одев пристойно, и не переселив из бараков и коммуналок. Уровень буржуазного благополучия остался для советского человека недостигнутой мечтой, и эта мечта, в конце концов, похоронила под собой все мечты о более высоком предназначении человека. «Идея неизменно посрамляла себя, когда она отрывалась от интереса».

Положение значительно усугублялось формированием явного разрыва в образе жизни между бюрократией и основной массой населения. Наибольшее значение имела даже не величина этого разрыва, далеко не достигающего современной пропасти между малоимущими и сверхбогатыми. Нетерпимой оказалась ситуация, когда в условиях назойливой пропаганды идеалов равенства и социальной справедливости номенклатура создала для себя обособленную систему снабже-

ния материальными благами и услугами, успешно решая для себя те проблемы, которые рядовому гражданину приходилось решать ценой немалых усилий и не всегда успешно. Именно это лицемерие, прежде всего, подрывало веру в пропагандируемые идеалы. Точно также не могли иметь успеха призывы к социальному творчеству, раскрепощению инициативы, развитию личности человека, в условиях, когда инициатива нередко встречалась бюрократией в штыки, социальное творчество зачастую подавлялось, а возможности развития личности были ограничены наличными материальными возможностями, доступ к которым в большей мере обеспечивался статусом, нежели личными заслугами и способностями.

Аннотация

Одной из ключевых проблем, определивших упадок социалистической идеи как внутри СССР, так и за его пределами, была неспособность советской экономики занять лидирующее место в мировом хозяйстве. Однако, верно и обратное – разочарование в социалистической идее относится к числу ключевых факторов, которые предопределили спад в развитии советской экономики. Советская система двигалась по слишком сложному пути, пытаясь решить одновременно проблемы капиталистического развития (нерешенные до революции), и проблемы социалистического преобразования общества, не имея для этого адекватной материальной базы.

Ключевые слова: человеческий потенциал, материальные интересы, общественное доверие, плановая экономика, мировое хозяйство, высокие технологии.

Summary

One of the key problems, which determined the fail of socialist ideas both inside and outside USSR, was the inability of the Soviet economy to occupy the leading place in the world economy. But, vice versa, the disillusioning in socialist ideas was the key factor, which determined the decline in the development of the Soviet economy. The Soviet system went by the too difficult way, trying to solve in the same time the problems of capitalist development (unsolved before the revolution), and the problems of socialist transformation of the society without adequate material basis.

Keywords: human potential, material interests, public confidence, planned econimy, world economy, high technologies.

http://www.phisci.ru